

От мамы всегда приятно пахнет. Такое неповторимое сочетание запаха выпечки и моющего средства, смешанное с её собственным запахом. Я помню маму с самого детства, и она никогда не меняется. Да, у неё прибавилось морщин, годы её не щадят, но мама остаётся мамой, где бы она не была.

— Цу-чан, не вертись, пожалуйста!

Мои губы чуть выгибаются в мимолётной улыбке и я, щурясь, закрываю глаза.

— Извини, мам, — только и отвечаю я.

Расчёска порхает по моим волосам, а пальцы мамы мимолётно касаются моих волос, разделяя их на отдельные пряди. Сегодня она делала мне «колосок», а я и не против. Я и волосы отращиваю ради неё. Только потому, что маме каждое утро нравится их расчёсывать и делать мне причёски. Она даже ходила на курсы парикмахеров, и только ради меня.

Мама — мой последний бастион. То, что удерживает меня от глубин отчаяния.

— Цу-чан, готово, — оповещает меня мама и подаёт мне зеркало.

— Спасибо, мамуль! — счастливо воркую я, целуя её в щёку, и беру в руки зеркало.

Из отражения на меня смотрит счастливая девочка с каштановыми волосами, собранными в идеальный «колосок». В карих глазах плещется нежность и восторг. Я беру кончик «колоска», которым и заканчивалась коса, и щекочу себе нос.

— Давай, одевайся, — постель прогибается, и мама встаёт с кровати, — а то опоздаешь в школу.

— Да-да, опаздывать нельзя! — киваю я, откладывая зеркало на тумбочку.

Дверь за мамой закрывается и...

...И лицо счастливой девочки — меня — кардинально меняется. Я хватаю одеяло и укрываюсь им по самые плечи, ища в нём защиты. Я бы и на голову его надела, да вот только боюсь испортить причёску.

Мир за пределами одеяла и моего дома опасен. Он страшит меня, но каждый день приходится идти в самое жуткое на свете место — школу. Не хочу туда идти, но придётся. Ведь мама этого хочет.

Так что, оттянув неизбежное до последнего, я выбираюсь из кокона одеяла и ставлю стопы на

ковёр. Школьная форма привычно висит на вешалке.

— Цуна, ты сможешь!.. — приободряю я себя.

Я подхожу к шкафу, снимаю с ручки вешалку и возвращаюсь с ней к кровати. На стуле в ворохе одежды лежат чистые трусики и лифчики, так что я выбираю из них сегодняшнее бельё и надеваю их. С формой сложнее. Сперва — блузка. Очень важно не перепутать петли, что для меня, человека с воистину кривыми руками, очень сложно, но минут пять спустя я справляюсь с этой задачей. Молния на юбке — сбоку, и тут главное не ошибиться. Я застёгиваю молнию и надеваю сверху школьный жилет. Хорошо хоть «бабочка» на липучке, и её не нужно повязывать.

Из зеркала на меня смотрит утомлённая жизнью девушка-подросток с синюшными кругами под глазами. Я до глубокой ночи задротила в игры на приставке, и это красоты мне не прибавило. Но какая разница? Отосплюсь на занятиях.

Быстро побросав в сумку тетради, сверившись с расписанием, я выбежала из комнаты и побежала вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньку. Пару раз чуть не спотыкаюсь о собственные ноги, но катастрофы удаётся избежать.

— Цу-чан, опаздываешь! — уперев руки в бока, недовольно кривит губы мама, встречая меня у последней ступеньки.

— Опаздываю! — запыхавшись соглашаюсь я.

Мама протягивает мне завязанный платок с бенто, который я заталкиваю в сумку и бегу в прихожую. Случайно опрокинув полку с обувью, мне таки удаётся найти свои туфли (зачем мама их опять туда убрала?!), и я надеваю их.

— Я ушла! — кричу я, открывая входную дверь, и вылетаю из дому прежде, чем услышать ответ мамы.

До калитки я несусь мелкой рысью, и, навалившись на неё своей плоской грудью, вырываюсь на главную дорогу. Коса бьёт меня по спине, но я не обращаю на это внимания и мчусь вверх по улице, ещё надеясь, что не напорюсь на Дисциплинарный комитет. Если вовремя добегу, то всё закончится малой кровью.

Пока я бегу, лавируя между фонарных столбов и людей, то думаю, что всего этого можно было бы избежать, выходи я раньше, но прийти в школу раньше положенного — уж увольте. Так что ничего в моей жизни не меняется.

— А ну стой, жалкое травоядное, — останавливает меня на входе Демон.

Да уж, действительно. Ничего в моей жизни не меняется. Меня останавливает Хибари Кёя — глава Дисциплинарного комитета и гроза нашей школы. «Грозный ГДК» или просто «ГДК», как его за глаза называет добрая половина школы. И это Демон, точно сошедший из театра Но — уж больно аура у него демоническая.

— Ч-что случ-чилось?.. — бляя, как тупорылая овца, выдавила я из себя, не поднимая головы вверх и прижимая сумку к животу.

Почему он опять ко мне придрался? Моя форма в полном порядке, я специально на бегу перепроверила.

— Кажется, я предупреждал тебя?

Я не смела поднять головы и смотрела на свои туфли.

— Предупреждал? Отвечай.

— Н-насчёт чего?.. — осторожно спросила я.

Мимо прошли ученики. Я буквально чувствовала устремлённые на себя взгляды. Остальные члены Дисциплинарного комитета проверяли других учеников, в то время как ГДК истязал меня лично.

— Смотри в глаза, когда говоришь с кем-то! — Меня чуть не приморозило к месту от льда, промелькнувшего в его голосе. Но посмотреть в глаза Демону — это слишком жутко, так что я затрясла головой. Я и ойкнуть не успела, когда цепкие пальцы схватили меня за подбородок и заставили посмотреть глаза в глаза. — Ну? — насмешливо произнёс он.

— Я... не понимаю...

Я действительно не понимала, чего он от меня хочет. Что нужно от жалкой меня этому жуткому человеку? Слезы выступили на глазах, но я только крепче вцепилась в сумку, чувствуя холодные пальцы у себя на подбородке.

— Волосы, — сказал мне в лицо Демон. — По школьным правилам их нельзя красить.

У меня были от рождения каштановые волосы. На солнце и того хуже — они выгорали и становились почти что рыжими, отливая медью, стоило свету упасть на них.

Помощь пришла оттуда, откуда я не ждала.

— Семпай, они у неё такие от рождения, может? Вы так не думали?

Я несмело покосилась на школьную звезду — Ямамото Такеши. Этот парень прославился ещё в средней школе своими успехами в бейсболе. Универсальный игрок, способный держать любую позицию. О нём даже в газетах писали. По слухам многие про-клубы ждут, пока он закончит школу, чтобы взять его в свою команду. Но...

Серьёзно, тебя только не хватало на мою некрашеную голову!

— Ямамото Такеши? — не выпуская меня из стального захвата, грозя свернуть мне челюсть, произнёс Кёя. — Форма в порядке... Свободен.

— Вот уж нет!

Ямамото Такеши просто взял и перехватил запястье Демона. То самое. Ту руку, которой Хибари Кёя пригвоздил меня к месту. И они бы так долго бодались, но прозвенел звонок. Демон нехотя отпустил меня.

— Я это просто так не оставлю, — выплюнул он и направился к школе в сопровождении своих верных псов.

— Нам бы тоже поторопиться, — весело выдал Такеши.

Массируя подбородок, я мазнула по нему взглядом. Красавец-спортсмен: высокий, намного-намного выше меня, чёрные волосы, точно вороново крыло, и очень добрые глаза. Держу пари, тот ещё бабник.

— Спасибо... — пробормотала я и, развернувшись, побрела к школе. Всё равно уже опоздала. Выговор мне обеспечен.

Такеши поравнялся со мной.

— Ты что-то сказала? — нагибаясь ко мне, спросил он. Улыбка озаряла его лицо.

— Спасибо...

— Что-что? — Он приложил к уху руку, делая вид, словно всё ещё не слышит.

— Спасибо! — разозлившись, гаркнула я.

— Значит, всё же можешь говорить громко, — с каким-то непонятым пониманием закивал

Такेशи.

Мы вошли в школу. Наши шкафчики для обуви находились в разных местах, так что пока я вытряхивала свою сменку, он уже переобулся.

— Я пошёл! Ты тоже не затягивай! — И своими великанскими шагами пересёк холл и заскакал по лестнице.

Я с облегчением выдохнула. Наконец-то ушёл. Терпеть не могу парней, школу, уроки, учителей и моих одноклассников. Такеши, учащегося со мной в одном классе, в особенности.

Закрыв дверцу шкафчика, убрав туда свои начищенные до блеска кожаные туфли, я столкнулась со взглядом. Меня почти что обожгло зеленой глаз.

— Шлюха. Ненавижу баб, а таких, как ты — в особенности, — выплюнул мне в лицо иностранец. Хмыкнув, он убрал за ухо светло-пепельную прядь волос и покинул зону шкафчиков, оставляя за собой шлейф сигаретного дыма.

И настроение стало ещё хуже. Гокудера Хаято был не менее популярен, чем Ямамото Такеши и Хибари Кёя наравне с ещё несколькими парнями из нашей школы. И меня угораздило пересечься с несколькими из них. Идти на урок совсем расхотелось. Я уныло смотрела на лестницу, на которой скрылся этот урод.

Почему отец подал документы именно в эту школу? Почему ему взбрело в голову, что учиться школе с международным уклоном круче, чем пойти в школу для девочек? С моей рекомендацией можно было пойти куда угодно в этом паршивом городке, но почему Старшая Нами?

Из глаз вновь хлынули слёзы. Я села на корточки, утыкаясь носом в свои острые коленки.

Не прошло и месяца, как моя жизнь стала невыносимой. Мы переехали из Токио в эту глушь из-за работы отца. Ну и что, что это студенческий городок и тут полно хороших школ и университетов? Мне это было не нужно.

За месяц — ни одного нового друга, но это и ожидалось от меня. Таких подруг, как у меня были в Токио, больше никогда не встретить. Если повезло единожды, то во-второй раз не повезёт. Теперь вокруг меня люди, которые долгое время жили в своём мирке и друг друга знают. Намимори — это как особая вселенная. Готова поклясться, что я даже в Токио не видела столько иностранцев, сколько я вижу здесь. Старшая Нами огромна, в ней куча классов для преимущественно иностранцев. Не школа, а целый лабиринт, в котором я до сих пор иногда путаюсь.

Просто... За что? Что я не так сделала? Может, в прошлой жизни Холокост из-за меня был?

Или я убила кого-то? Почему вся моя жизнь — один сплошной фарс?

Вздыхнув, я поднялась на ноги и вытерла слёзы. Первый урок проведу в женском туалете или на крыше, а на второй приду со звонком, если ничего не случится. А случиться со мной может всякое. Это же я, Савада Цунаёши.

У меня даже имя мужское. Жизнь накосячила даже с именем. В больнице, где я и родилась, были две женщины по фамилии Савада. И обе выбрали имена для своих детей, начинающих на один иероглиф. Цуна-ко и Цуна-ёши. Девочка и мальчик. Перепутать легко. Моих родителей повеселила такая ирония, и они подумали, что так будет весело. Имя я смогу поменять ещё не скоро, а только когда стану совершеннолетней.

Телефон мне радостно показал, что на часах только девять. Учитывая, что первый урок начинается в 8:45, а уроки у нас по пятьдесят минут... Страдать мне ещё долго.

Я поднялась по лестнице до самой крыши, почти даже не запыхавшись. Если что и есть во мне хорошего, то только выносливость. Каждый день я бегаю в школу и иногда из неё. У моих тощих ног силы не занимать. Я этим не горжусь, вовсе нет. Все вокруг меня хотят похудеть, а я же напротив — хочу поправиться, но у меня никак это не получается. При своём росте в 157 сантиметров вешу я всего 43 кило. Меня это пугает. Ем я как не в себя, даже злоупотребляю всякими бургерами и раменом, но мне это никак не помогает поправиться.

Стоило открыть дверь на крышу, как ветер ударил мне в лицо, и чёлка с короткими волосами у скул полезли мне в нос и рот. Я прикрыла за собой дверь и вышла на саму крышу.

Тут так спокойно. Тихо.

Заграждения высокие, просто так через них не перемахнёшь.

Я села на ближайшую скамейку рядом с небольшой цветочной клумбой и откинулась на спинку, доставая телефон, планируя позалипать на ВЕБ-новеллы или мангу. Ещё не определилась.

— О, тут помимо меня кто-то есть? — Нарушил мой покой вошедший на крышу парень.

С моих губ почти что сорвалась нецензурная брань.

Зевая во весь рот, мимо меня прошёл Бовино Ламбо, одетый безвкусно, как и всегда. Почёсывая свою кудрявую чернявую макушку, он выбрал самую дальнюю скамейку и разлёгся на ней во весь рост. Кто ему сказал, что пятнистый, как у коровы или далматинца принт — это круто? У Ламбо под пиджаком была поддета белая толстовка в чёрное крупное пятно; капюшон вываливался из-под ворота пиджака. Кудрявый, ленивый и довольно симпатичный. Конечно же, он не мог остаться незамеченным. Девушки любят красивых парней, и этот Ламбо не

исключение.

Игнорируя его, я уткнулась в экран смартфона, погружаясь в мир ВЕБ-новеллы. Как раз вышла новая глава.

— ...Эй! — выдернул меня из чтения настойчивый голос.

Я вздрогнула и подняла голову. Ухватившись рукой за спинку скамейки, надо мной навис Ламбо. Его глаз был, как всегда, прикрыт. Я слышала из девчачьих сплетен на домоводстве, что всех очень волнует тот факт, нет у него действительно нет глаза или он просто его прикрывает. Даже на совмещённом уроке физкультуры он не моргнул им, когда мяч летел ему прямо в голову.

— Что? — недовольно спросила я, отодвигаясь от парня подальше.

Не очень люблю парней, а иностранцев — тем более.

— Сколько до конца урока осталось? — спросил Ламбо как ни в чём не бывало.

Я чуть не поперхнулась от возмущения. Вот чего именно сегодня они все до меня докопались?

В голове голосом Хаято крутилось презрительное «шлюха». Игнорируя Ламбо, я молча встала со скамейки. Подхватив сумку, я поднырнула у него под рукой и быстро зашагала к выходу с крыши. Тихо скоротать время до конца урока у меня не вышло.

— Эй! Это не вежливо! — возмутились мне вслед, но я молча захлопнула за собой дверь и спустилась по лестнице до второго этажа, где и находился мой класс 1-2, завернув в туалет, где взгромоздилась на подоконник и продолжила чтение.

Плевать, вежливо или невежливо. Если все в школе негативно настроены против меня, а репутация помахала рукой, то мне на всех плевать.

Щекоча кончиком косы нос, я вновь погрузилась в занимательную историю романа. Истории с попаданцами казались мне очень интересными. Они максимально не похожи на реальность. Призванный герой, который должен победить Сатану? Это так захватывает! Ничего общего с окружающей меня действительностью.

Я — та, кого никогда бы не призвали в другой мир. Бездарностей не призывают. Во мне нет ничего хорошего, разве что внешность, но тут скорее заслуга родителей. Мама — красивая женщина, а у отца в крови древние европейские корни. Единственное, что хоть немного меня радовало, так это то, что волосы у меня не как у отца — пшенично-золотистые. Он блондин с рождения. Пошла я то ли в маму, то ли ещё в кого, хотя у мамы тёмно-каштановые волосы. Мистика, не иначе. В общем, не ясно.

Героем мне не быть, если подвести итоги.

Прозвенел звонок с урока. Я нехотя скатилась вниз с подоконника и, не рассчитав, неловко плюхнулась на кафель мягким местом. И надо было так совпасть, что именно в этот момент в туалет зашла девочка-конфетка Сасагава Кёко, признанный идол школы, и её подруга — Курокава Хана, которую ничуть не парило, что она теряется рядом с миловидной внешностью Кёко.

— Ты в порядке? — участливо спросило это чудо (Кёко), хлопая своими пушистыми ресничками. Ни грамма косметики. Только натуральная красота, что смотрелось дико в сочетании с крашеными в рыжий цвет волосами. Мне до сих пор не ясно, как это чудо ухитряется проходить мимо Дисциплинарного комитета незамеченной. Просто загадка.

— Да, спасибо, Кёко, — улыбнулась я и поднялась на ноги, отряхивая юбку.

— Я рада! — Кёко радостно хлопнула в ладоши.

Я встретилась с недовольным взглядом Ханы и поняла, в чём мой промах. Я назвала Сасагаву Кёко как «Кёко» — по имени, что не принято у японцев. Проклиная отца с его дурным воспитанием и мою хроническую неприязнь к суффиксам, я вылетела из туалета, как пробка из бутылки.

Меня ничто не спасёт.

Класс встретил меня заинтересованными взглядами и перешёптываниями. Ну конечно, как же без этого?

Меня знает почти вся школа, и это не шутка. Я ухитрилась заснуть прямо на церемонии поступления и свалилась на пол, когда представитель первогодок читал вступительную речь. Это было фиаско. Если бы на девушку с хроническим невезением никто бы не обращал внимания в нормальной ситуации, то с церемонии наследования в меня постоянно тыкали пальцем, как на диковинную обезьянку в зоопарке. Каждый мой промах — достояние школьной общности. Клуб журналистики даже посвятил мне колонку в своей школьной газете.

Со звонком в класс вошёл наш классрук — Каваллоне Дино. Иностранец, который ведёт у нас английский и за которым закреплён класс 1-2, то есть я и ещё тридцать один идиот. Светлые, как у моего отца волосы, и очки в чёрной оправе, которые очень ему идут. Забавный парень.

— Савада? — удивлённо поднял свои брови Дино, приметив меня за партой. — А мы тебя и не ждали... Зайди ко мне в учительскую после уроков, ладно?

Моё лицо встретилось с партой. Вот же ж блин! Почему я такой неудачник? Баба-косяк.

...Уроки прошли незаметно. Так, за мелкими исключениями. Пару раз я наткнулась на Такеши, Хаято, Ламбо и ещё всяких неприятных мне личностей, делящих со мной учебное заведение. Когда прозвенел звонок с последнего урока, которой была физика, я молча собрала вещи и выпорхнула из дверей класса.

— Цуна, тебя, разве, Каваллоне-сенсей не просил зайти в учительскую? — удивлённо спросил у меня Такеши.

— Больно надо, — фыркнула я и прошла мимо.

Желудок требовал еды, и не важно, что я плотно пообедала на большой перемене. Я ем, как не в себя, и куда деваются то, что должно осесть в боках — не известно.

— Не боишься, что родителей вызовут в школу? — не сдавался Такеши.

— Вот тогда и поговорю с учителем, — я махнула рукой и ушла, чувствуя на себе взгляды недовольных девушек. Как же так, я посмела грубо говорить с самим Ямамото Такеши!

Доставали. Просто оставьте меня уже в покое.

На школьном дворе я чуть не напоролась на Кёю, но он был занят выбиванием дерьма из каких-то парней, так что я, прикрываясь сумкой, бросилась к школьным воротам. Поняв, что меня пронесло, мне удалось выдохнуть и уже спокойным шагом направиться в сторону торгово-развлекательного района, где и собиралась перекусить.

Вокруг всё так же сновали машины. Пешеходы и счастливые школьники проходили мимо меня. Незнакомый мне город. Незнакомые мне люди. Всё незнакомое.

Я перешла по зебре, когда загорелся светофор, и вышла к маячащему перед глазами зданию ТРЦ. Вроде бы его возвели только год назад, но впечатление такое, словно он стоит тут целую вечность. Здание огромное, с оранжево-синими вставками и цветными окнами. Наверное, это то из немногих мест кроме дома и школы, в котором я часто бываю.

Гипермаркет, салоны связи, магазин для животных и эскалатор, ведущий на второй этаж. Там я прошла по лестнице на третий этаж, хотя можно было доехать на другом эскалаторе. Вчера я ехала, сегодня иду. Р — разнообразие.

Зал фудкорта встретил меня разными запахами, в которых я и потерялась, не зная, что сегодня буду есть. Так и стояла минут пять, пребывая в раздумьях.

Что-то калорийное, калорийное...

Бургеры надоели, нет.

Рамен? — за ним лучше в лапшичную.

Решено, сегодня я куплю себе самую калорийную пиццу! Раз выбор пал на пиццу, то я направилась к пиццерии и стала разглядывать ассортимент, щекоча кончиком косы нос.

— Вам помочь? — спросила меня работница пиццерии, довольно полненькая девушка с веснушками. Я невольно ей позавидовала. У неё есть мясо, в отличие от меня. Я же дохлая, как Смерть. Пошла бы в фотомодели, только я невысокая и кривая, да и не красавица.

— Какая у вас самая калорийная пицца? — спросила я, продолжая пускать слюни на витрину.

— Вот эта, — девушка показала мне на пиццу на толстом тесте, усыпанную грибами и кусочками ветчины, — называется...

— Мне целую, пожалуйста. И одну большую колу, — перебила я её, доставая кошелёк из сумки.

— Вам подогреть?

— Да, будьте добры.

Мою пиццу отправили в микроволновку. В пластиковый стакан налили колы. Микроволновка запищала.

— Ещё вот этот пирожок, — я показала на витрину, где у них была выпечка.

Девушка с сомнением мазнула по мне взглядом. Ну да, я бы тоже не поверила, что такая вешалка, как я, способна всё это умять. Съем-съем, даже не сомневайся. И не поперхнусь.

— С вас семьсот двадцать йен, — сказала мне эта девушка-булочка.

Я положила на стойку купюру в тысячу йен и жадно посмотрела на поднос. Мне выдали сдачу и отдали еду. На крыльях счастья я, чуть не свернув столик, за которым сидели какие-то младшеклашки, буркнула свои извинения и понеслась к единственному не занятому столику с диванчиком, радуясь своей везучести. Ну хоть с чем-то сегодня повезло.

Диван оказался очень удобным, я утопала в его мягкости. Моё пиршество проходило в гордом одиночестве. Смешно, но мне даже поесть не с кем. Церемония поступления поставила крест на моей социальной жизни в школе. Три года обещали пройти очень весело.

Сыр пиццы почти таял во рту. Работая пластиковым ножом, наколов на пластиковую вилку кусочек, я отправила его в рот. Слишком хорошо для фастфуда, впрочем, я и отвалила за свою еду не мало. Шампиньоны оказались не сырыми. Тесто воздушным, как облачко. Просто восхитительно.

Я обязательно попробую все виды пиццы в этой пиццерии — поставила я себе цель на ближайшую неделю.

Когда у меня на пластиковой тарелке оставалось два кусочка пиццы, а в стакане ещё достаточно колы, мой покой был нарушен.

— Ты не против, если я сяду? Ты одна за огромным столом, а везде всё забито, — сказал мне какой-то парень, на которого я даже головы не подняла.

И действительно. Стоило обвести взглядом зал, чтобы понять: всё занято, я вовремя успела.

— Да, присаживайся, — кивнула я, накалывая на вилку ещё кусочек пиццы.

Он сел, и мы наконец-то друг на друга посмотрели.

— Ты?

— Ты?!

Вот так встреча. Напротив меня сидел придурок Хаято. Пицца встала мне поперёк горла и я закашлялась. Есть резко расхотелось. Аппетит, на который я никогда не жаловалась, пропал. Тем не менее, я быстро запихала в себя остатки пиццы и, закинув на плечо сумку, схватила стакан с колой и пластиковое блюдце с пирожком.

— Эй, ты же ещё не доела... — удивился он, вновь обжигая своей зеленью глаз.

— Разве не ты говорил, что баб терпеть не можешь? — фыркнула я, боком продвигаясь между диваном и столом. — Я же шлюха, и все дела.

— Ну погорячился, был не прав. Прости...

— Засунь свои поганые извинения куда подальше.

Я выполза из-за стола. Меня эхом преследовало это «шлюха», прокручиваясь раз за разом. У меня и парня-то никогда не было. Нет, это много кому не мешает вести активную половую жизнь, но не мне. Мой первый раз будет только с любимым человеком.

— Да стой же ты! — Меня схватили за руку, останавливая. — Серьёзно, прости. У меня снесло крышу! Всё из-за Ямамото. Терпеть его не могу!

Он держал меня за руку крепко, но бережно. Если после захвата Кёи было покраснение, то Хаято не впивался пальцами в кожу. Да и говорил искренне. Вон, как щёки горят и глаза бегают. Не думаю, что этот парень привык извиняться. Такое смущение не подделать, если ты не великий актёр. Хаято точно не актёр.

— Давай я куплю тебе что-нибудь? А? Девушки же любят сладкое? — с надеждой спросил он, чем и покорило моё сердце.

Отказываться от халявной еды? Серьёзно?

— Пирожные из «Билли-кенди», — на полном серьёзе сказала я.

— Хорошо, — кивнул головой Хаято.

Протиснувшись боком обратно на диван, я села и поставила перед собой колу и пластиковое блюдо с пирожком.

— Я мигом, ты только никуда не уходи! — тоном, не принимающим неповиновения, велел мне Хаято.

Я демонстративно громко втянула в себя через трубочку колу.

— Я жду свои пирожные, — пришлось напомнить.

Хаято оставил на стуле свою школьную сумку и быстрым шагом залавировал между столиками. Я действительно никуда не ушла и дождалась, пока он отстоит в очереди и купит мне эти непростительно дорогие пирожные.

— Держи, — он поставил передо мной коробочку с тремя дивно выглядящими пирожными, представляющими из себя бисквиты, украшенные креповыми цветами и ягодами. Я как раз доела яблочный пирог из пиццерии.

— Угу, спасибо, — и придвинула к себе коробку, боясь, что он насмехается надо мной и сейчас отберёт её. Но Хаято не стал.

— Ты странная.

Вот уж от кого не хочу слышать о странности. Парень, который ещё с утра называет меня

шлюхой, сейчас кормит меня пирожными. Удивительное рядом. Похоже, это отразилось у меня на лице в полной гамме чувств и эмоций.

— Да погорячился я, с кем не бывает... — себе под нос пробурчал он.

Я побаиваюсь парней, особенно красивых. У Хаято была очень специфичная внешность: светло-пепельные волосы и серо-зелёные глаза, в порыве становящиеся цвета молодой зелени, и тонкие черты лица, граничащие с совершенством. В нём, как и во мне, угадывались японские и европейские черты лица, но в Хаято больше. Красивый парень-метис с отвратительным характером, вот только сейчас он был слишком милым и даже трогательным.

В молчании мы занялись своей едой: он — каким-то диковинным блюдом из риса и свинины, а я — пирожными. Вокруг нас ходили люди. Сменялись посетители. А мы неспешно ели, смакуя еду. Я и моргнуть не успела, как часы на телефоне показали 18:32.

— Мне пора, — оповестила я Хаято, поднимаясь из-за стола.

— Ага, удачи, — махнул он на прощание.

В общем-то не ожидая ничего в добавление, я покинула стол, за которым мы скоротали не самые плохие часы в моей жизни, и спустилась до первого этажа на эскалаторах.

А это двадцать девятое апреля не такое уж и плохое. Может, всё наладится?

Желудок приятно оттягивал меня к земле. Я лениво переставляла стопы, упиваясь эйфорией. Всё же, в школе есть и неплохие ребята. Хаято вот на поверку не такой уж и засранец. Он даже извинился.

Я встала на переходе у зебры, дожидаясь зелёного. Дождавшись, когда цвета сменятся, я с остальными людьми зашагала по белым полосам. Мне вспомнилась песенка из детской передачи про Анпан-мена — человека-булочки, которую я случайно видела по телеку. Когда до последних линий зебры оставалось совсем немного, моих ушей коснулся неприятный звук. Что-то визжащее неприятно, даже отвратительно. Кто-то истошно закричал. Я повернула голову и увидела мчащуюся на меня фуру. Мне только и оставалось, что тупо на неё смотреть, занеся ногу — возможности отскочить у меня не было.

Нет, всё же, двадцать девятое апреля отвратительное, — пронеслось у меня в голове, когда меня насмерть сбила фура, размазывая по капоту моё худое тельце. Треск костей, уханье в ушах — то, чем закончилась моя жалкая жизнь. И никакого тоннеля из света перед глазами. Меня поглотила беспроглядная тьма, и мир померк.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/47222/1126308>